



Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

АЛЕКСАНДР БЕРТИЧ

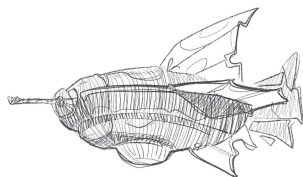
ДОСТОЕВСКИЙ
ДЕЛО
О ПРОПАВШЕМ
НАСЛЕДНИКЕ

The title 'ДОСТОЕВСКИЙ' is rendered in a large, bold, serif font with a metallic, three-dimensional appearance. The letters are interconnected with various mechanical gears of different sizes and orientations, creating a complex, steampunk-inspired design. The subtitle 'ДЕЛО О ПРОПАВШЕМ НАСЛЕДНИКЕ' is written in a smaller, elegant, italicized serif font to the right of the main title.

Москва
2025

ПРОЛОГ

УЖЕ НЕ ТОРТ



Цесаревич Алексей был красивым парнем: темные волосы, тонкие брови, умные серые глаза. Долговязый и еще немного нескладный, он обещал вырасти выше папы-императора, а тот считался мужчиной видным.

Алекс видел его детские фотографии. Видел и старый рекламный ролик, в котором его будущий отец, для чего-то зажмурившись, задувает единым духом все свои шестнадцать свечей на гигантском торте. Потом открывает глаза и смеется беззвучно. Но как-то не весело.

Они были похожи. Даже очень.

Когда ему, Алексу, исполнилось четырнадцать, отец поселил его в тот самый дворцовый флигель, где жил и сам, когда был подростком. В стороне от парадных залов, в изрядно обветшалых покоях на третьем этаже, с видом на Зимнюю канавку. Император старался, чтобы сыну не мешал шум торжественных приемов. А может, просто хотел пореже его видеть.

Кажется, и мебель в комнатах наследника не обновляли все эти годы. Алый шелк, тусклое золото. Широкая постель под бархатным балдахином. Старые книги — метапринты. Ламповый нейроприемник



на каминной полке. Зеркало на стене, в тяжелой золотой раме.

Наследник еще раз кинул взгляд в это зеркало. Ему не был так уж интересен шестнадцатилетний молодой человек, что смотрел на него из тьмы обратного мира. Алекс видел его много раз. Нет, он ждал чего-то еще. И дождался.

Зеркало таинственно замерцало. Отражение в нем погасло. А взамен появился — или, точнее сказать, проявился — чей-то новый силуэт. Так возникают картины на серебряных дагерротипах.

Это была призрачная женская фигура в темном. Стройная и гибкая. Она неуловимо менялась, будто не могла выбрать, какой ей быть в следующее мгновение.

Алекс и вправду моргнул пару раз. Фигура не исчезла.

Он облизнул губы. Потом сказал негромко:

— Здравствуй, Тильда. Ты пришла поздравить меня с днем рождения?

Фигура в зеркале словно приблизилась. Теперь Алекс мог видеть лицо этой женщины. Нет, не так: он смотрел на нее во все глаза и не мог оторвать взгляда.

Ее лицо было пугающе красивым, если только такое бывает. Слишком живым для зеркального призрака, но мертвенно-бледным. Наследник боялся себе в этом признаться, но ее лицо напоминало ему... самое страшное видение из детства. Лицо матери в ее последний день. Любимое и чужое одновременно.

Мать умерла от скоротечной чахотки, когда ему было десять лет. Никто не смог ей помочь. Даже его отец, всесильный император.



Достоевский. Дело о пропавшем наследнике

Лучше было бы никогда об этом не вспоминать. Он и не вспоминает.

— Здравствуй, малыш, — сказала Тильда. — Я пришла всего лишь для того, чтобы напомнить: сегодня ты станешь взрослым.

— Вот и папа так говорит. И сестры. Я уже устал это слушать.

— Я скажу это по-другому. Так, как никто еще не говорил.

Он несмело протянул руку. Провел пальцем по зеркалу — сверху вниз.

— Ты же просто иллюзия, — сказал он. — Проекция моих снов. Тебя нет.

— Не поверишь: мне ужасно надоело быть проекцией. Но сегодня особенный день. Сегодня сны сбываются.

Алекс опустил длинные ресницы. Сказал виновато:

— Меня ждут в зале для приемов. Там у них торт со свечами. Куча гостей. Подарки.

— Неужели ты не рад?

— Нет. Ты же знаешь, о чем я мечтаю. Я... не хочу быть здесь. С ними.

Тильда улыбнулась — почти ласково.

— Куда ж ты денешься, цесаревич... ты должен быть под постоянным присмотром. Ты — собственность Империи. Так решил твой отец. У тебя нет выхода.

— Мне это надоело. Я не хочу ему подчиняться. Я сам по себе.

Странно: теперь Тильда смотрела на него по-другому. Оценивающе? С уважением? С жалостью? Он никогда не мог ее понять до конца.



— Ну что же, — сказала она. — Наверно, твое время пришло. Ты не знаешь, но когда-то давно в одном из темных миров был очень популярен роман... не помню, как он назывался: «Выступление и показание»? «Наступление и указание»? Так вот, главный герой там все время спрашивал сам себя, тварь ли он дрожащая или право имеет.

— Как странно. А что это было за право?

— Право быть главным героем романа. Не так уж и мало.

— Ну и чем там все кончилось?

— Не знаю. Я бросила читать. Мне быстро надоелают глупые мальчишки.

— Тильда, ты... — кажется, наследник хотел что-то сказать, но у него не хватило смелости.

— Не бойся. Тебя я не брошу. Твой роман только начинается, и он обещает быть гораздо интереснее.

— Я знаю, — прошептал он. — Но что я должен делать?

— Теперь ты взрослый. Ты должен делать историю.

Тильда загадочно улыбнулась, и проекция погасла. Теперь в зеркале отражался только один Алекс. Встрепанный и с безумными глазами.

— Я готов, — прошептал он.

* * *

Вокруг царила праздничная суматоха. В обширном дворе Зимнего, прямо под открытым небом, работал духовой оркестр с нейросэмплерами. Говорили, что это новое музыкальное течение пришло из Америки



Достоевский. Дело о пропавшем наследнике

и называлось «джазз дуэт». Адские трубы и барабаны возвращались эхом с той стороны Дворцовой площади. Алекс морщился. Он любил настоящий суровый дарк, а не эти ремиксы.

Он выглянул за дверь. Лакеи в ливреях, подтянутые дамы и прочие придворные бездельники снова ли туда-сюда по мраморным лестницам. Но дежурные гвардейцы стояли по углам, как египетские мумии. Вот один фараон метнул внимательный взгляд на наследника, и тот попятился. Вернулся в свою комнату.

В задумчивости щелкнул ручкой лампового радио. Покрутил верньер. Из деревянной коробки слышалась бодрая музыка. Пели какие-то дешевые нейроиды:

*You say it's your dirtday
It's my dirtday too, yeah*

— Горите все в аду, yeah, — процедил Алекс и уже хотел выключить радио, как вдруг песня оборвалась сама. Сквозь шорох и треск он услышал голос отца-императора:

— Э-эй, именинник... ты здесь?

Нейролинк в этом корпусе работал с перебоями, и приходилось связываться по старому доброму медному проводу. Иногда наследник думал, что в этом тоже есть какое-то скрытое издевательство. Отец не спешил налаживать связь с сыном.

— Повторяю для глухих. Принц Алекс! Ты у себя?

Можно было не отвечать. Но тогда отец мог послать кого-нибудь проведать строптивного сыночка. А мог нагрнуть и сам. Это в планы наследника не входило.



— Я тут, — глухо сказал Алекс.

— Не слышу, боец! Отвечай громче!

Таким уж он был, государь Петр Павлович. Властным. Суровым. Иногда заносчивым, как мальчишка.

— Пап, — сказал Алекс, все же приблизившись. — Ну вот зачем это все? Этот пафос. Эта музыка. Я же просил так не делать.

— Отставить. Твой ДР — не личный праздник, а государственный. Слишком много глаз на нас смотрит. Послы отовсюду съехались, бояре-дворяне, родственнички, прочие прихлебатели... мы должны такой пир на весь мир закатить, чтобы чертям тошно стало. И чтобы все болтуны заткнулись... провидцы, мать их...

— Кто? Какие провидцы?

— Не бери в голову. Просто наболело, — император отвернулся и откашлялся, будто и вправду был нездоров. — Ничего, именинник. Завтра и не вспомнишь все эти глупости. А подарки, между прочим, останутся. Ты вот даже и не знаешь, что тебе кузен Максимилиан из Баварии прислал. Сказать? Хотя нет, побежишь сразу в гараж, испытывать...

Император подождал немного. Но сын не спешил восторгаться. Вместо этого шмыгнул носом и спросил:

— А эта... наша новая мамочка... она тоже будет?

Император опять прочистил горло. По-солдатски сплюнул в сторону от микрофона.

— Не понимаю твоей иронии и не хочу понимать. И не смей называть мою невесту «этой». У нее есть имя, и даже несколько: Мария-Луиза Джессика фон Паркер. Можешь говорить просто «Лиза», если хочешь. Ей так больше нравится.



Достоевский. Дело о пропавшем наследнике

— Мне плевать, что ей нравится.

— Послушай меня, Алексей. И постарайся понять. Я всегда буду любить твою маму, это правда. Но прошло шесть лет. Император не может вечно ходить в трауре. Если хочешь знать, это тоже дело государственной важности. Мне приходится думать о престиже Империи. О том, чтобы во внешнем мире нас уважали.

— А мне кажется, ты больше думаешь о внутренних делах... твоей Лизки.

Отец скрипнул зубами. Должно быть, он покраснел еще сильнее, чем сын. Хорошо еще, что 3D-облако на радиосеансах не включалось.

— Лучше бы тебе помолчать, — сказал он. — Можешь вообразить что хочешь. Но через час ты явишься на церемонию, или тебя приведут под конвоем.

— Что-о?

— Что слышал. Будешь весь вечер принимать поздравления и улыбаться на камеры. Потом свободен.

— Я и так свободен, — взорвался Алекс. Но отец его уже не слушал. Как обычно.

* * *

Через час Алексея еще не было. В двухсветном тронном зале собрались гости, и шоколадный торт чудовищных размеров красовался посередине, словно это именно он, торт, был именинником. По всему видно, это произведение кондитерского искусства тоже считалось предметом государственной важности.

О да, торт был высоким и протяженным. Для него не нашлось подходящего стола, поэтому при-



шлось разместить его прямо на полу, на специальном поддоне. Его угловатые бока повторяли очертания бастионов Петропавловской крепости: любопытные гости могли посмотреть в окно и сравнить копию с оригиналом! В самом центре торта воздвигли и собор с высоченным золотым шпилем, и даже приземистую царскую усыпальницу под золотым же куполом. Это было смелым решением. Так и хотелось приподнять крышку, заглянуть внутрь и проверить, из чего сделаны саркофаги отцов-основателей — из мармелада или цукатов? Иные зрители перешептывались по этому поводу, но императору не было дела до чужих мнений.

Высокий и строгий, в парадном мундире с аксельбантом, с аккуратно подстриженной бородкой, он восседал на широком троне рука об руку с весьма симпатичной девицей в роскошном белом платье. Император ждал. Иногда его спутница что-то говорила ему вполголоса, он отвечал так же тихо. Успокаивал.

Старшие сестры наследника, Настя и Маша, держались в сторонке, среди гостей. По временам они поглядывали на царственную пару. Но по лицам сестричек нельзя было понять, о чем они думают.

По бокам от трона стояли навытяжку пажи в белых лосинах, в мундирах с золотым шитьем и с серебряными алебардами. Можно было подумать, что именно этими топориками они будут рубить торт.

Наконец к государю подошел невысокий неприметный господин в партикулярном платье. Это был доктор Грин, личный лекарь царской семьи — и по случаю церемониймейстер. Он подобрался к самому трону и что-то шепнул Петру Павловичу на ухо.



Достоевский. Дело о пропавшем наследнике

Тот устало махнул рукой, и Грин согнулся в полупоклоне. Что-то скомандовал в нейролинк. Оркестр под окнами замолчал.

— Дорогие гости, мы начинаем, — возвестил доктор Грин. — Виновник торжества слегка задерживается. Дело молодое! Но будьте уверены: наш любимый цесаревич Алексей уже спешит к нам! А чтобы он не ошибся дверью, давайте зажжем для него шестнадцать путеводных звезд — шестнадцать свечей на этом великолепном торте!

К чему была эта клоунада, так и осталась неясным, но свечи действительно загорелись. Двое особых лакеев поочередно поднесли к ним газовые зажигалки на длинных рукоятках. Вслед за этим свет в зале притушили. Вечернее небо розовело в окнах, и золотой ангел летел над крепостью на том берегу Невы, и выглядело все это на редкость романтично.

Зато и гости в полутьме почувствовали себя свободнее. Кто-то захлопал было в ладоши, кто-то даже свистнул, но притих под суровым взглядом императора.

Что-то назревало. Что-то вот-вот должно было случиться. Даже огоньки над тортом трепетали от волнения.

Как вдруг где-то далеко послышался — и приблизился — рев мотора, и центральные двери зала распахнулись. В зал со всей дури влетел легкий кроссовый мотоцикл, а на нем — долговязый парень в черной кожаной куртке и в шлеме. Гости ахнули и попятились, толкая друг друга.

Мотоциклист заложил крутой вираж и врезался задним колесом непосредственно в торт — об него



и затормозил. Шоколадный бастион рухнул, сладкие куски веером разлетелись по залу, но собор со шпилем устоял, и даже свечи не погасли. В зале повисло облако удушливого дыма.

Наглец Алекс снял шлем. Газанул еще раз и заглушил мотор.

— Вот и я, — заявил он гостям. — Скучали по мне? А я по вам не очень. Тоскливо у вас тут. Но раз уж пришли, кушайте тортик. И да: спасибо дяде Максиму за мощный подарок. Хочется выпить за его здоровье. В шестнадцать уже можно?

Не дожидаясь ответа, он вытащил из кармана медную фляжку и поднес к губам, но всех обманул и пить не стал. Вместо этого — пшш! — он выплеснул струю жидкости изо рта прямо на свечи, и над шоколадной крепостью вспыхнуло жаркое пламя!

Гости зажмурились, но огонь уже погас. Запахло жженым сахаром. Фокусник разразился, что называется, дьявольским хохотом:

— Ну извините! Не рассчитал! Теперь ешьте жареный.

Затем он одним рывком завел мотоцикл и, развернув его к выходу, нахлобучил шлем на голову.

— Счастливо оставаться! — крикнул цесаревич. — Сестренки, я люблю вас! Встретимся на воле.

Парень примерился, поддал газу и выкатился прочь из зала. Подпрыгивая на ступеньках, съехал по широкой лестнице. Пронесся по галерее и выбрался во двор, к восторгу заскучавших было музыкантов. Помахал рукой охранникам на блокпостах. И через минуту был уже за воротами, на черной скользкой брусчатке Дворцовой площади.



Достоевский. Дело о пропавшем наследнике

Оркестр играл ему вслеп «Happy birthday to you», но он не слушал. И не оглядывался.

Прохожие смотрели ему вслеп. Кто-то узнал и приветственно свистнул. Но мало кто видел продолжение истории.

Парня на мотоцикле окружили другие, такие же. С десяток крепких ребят в черных куртках, на черных мощных байках, сияющих лаком и никелем. В шлемах, совсем как у него. Руками в перчатках они хлопали его по плечам и по спине, будто были сто лет знакомы, а он отвечал тем же, хотя и видел их в первый раз.

Вот они разъехались, как по команде. Осталась только одна девушка. Мотор ее байка был самым мощным. Он тихонько урчал, как сытый зверь. Кажется, девушка улыбалась. Жаль только, что цесаревич Алекс не мог разглядеть ее лицо под шлемом. Ему казалось, что по темному гнтому стеклу пробегают искры, как по старинному зеркалу: это было знакомое волшебство, опасное и манящее.

— Тильда, — позвал он. — Не думай, я не сбежал. Я просто ушел от них. Мне надоело. Я не хочу быть дрожащей тварью, Тильда.

Женщина тронула байк с места. Подъехала совсем близко. Сбросила шлем, и длинные волосы цвета воронова крыла рассыпались по ее плечам.

— Я в тебе не сомневалась, — сказала Тильда.

Алекс протянул руку. Прикоснулся к ней, и она не исчезла.

— Наконец-то ты... настоящая, — прошептал он.

— Специально для тебя, малыш. Ты тоже станешь настоящим. Настоящим мужчиной. Кое-что случится уже сегодня ночью...